

12+

Эрнест Пети

**История
герцогов
Бургундских
из Капетингской
династии**

Том 7

Эрнест Пети

История герцогов

Бургундских из Капетингской

династии. Том 7

<https://litres.ru/74147918>

ISBN 9785006995819

Аннотация

Седьмой том Пети — о правлении Гуго V и Эда IV (1306–1349). Темы: регентство Агнессы Французской, участие в кризисах короны (борьба за престол, Столетняя война, битва при Сент-Омере), дипломатия. Главное событие — брак Эда IV, давший Франш-Конте и Артуа. Внутренняя политика: подавление лиг и война с баронами. Также — финансовые и административные трудности, роскошь двора, «тур Франции» Эда с будущим Иоанном II.

Содержание

Введение	5
Глава XLVI. — Регентство Анны французской, дочери Святого Людовика. — Правление Гуго V. — 1306—1315	10
Глава XLVII. — Правление Эда IV — 1315— 1321	56
Конец ознакомительного фрагмента.	76

История герцогов Бургундских из Капетингской династии Том 7

Эрнест Пети

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Эрнест Пети, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9581-9 (т. 7)

ISBN 978-5-0069-3414-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В конце XVII века над дверью ризницы Святой Капеллы в Париже находилась картина, которая привлекла любопытство Роже де Геньера и с которой он велел снять копию. Эта репродукция на пергаменте, выполненная гуашью и, к счастью, сохранившаяся в отсутствие оригинала, находится в портфелях выдающегося коллекционера [1]. Необъясненный сюжет этой картины казался представляющим интерес, поскольку она несколько раз публиковалась — правда, не слишком точно — любителями старины, которые не могли предположить её исключительную важность. Из трёх персонажей, изображённых на ней, был опознан лишь один; Жан II Добрый легко узнаваем благодаря ценному оригинальному портрету из галереи Мазарини и благодаря цветам костюма. Сидящий слева на позолоченном табурете, он облачён в синюю мантию с пелериной того же оттенка, подбитой белым мехом. Справа, на троне и под балдахином, покрытым богатыми тканями, изображён высокий церковный сановник, которому преклонивший колени вельможа, с кинжалом у пояса и в алой мантии, преподносит в дар диптих. Изящно выполненный золотой кораблик, стоящий на деревянном постаменте рядом с прелатом, — это подарок, который только что преподнёс Жан Добрый. Вся комната украшена интересными и разнообразными гобеленами.

Документы и отчеты 1344 года дают самые полные подробности о миссии к Папе, с которой король Филипп VI Валуа направил этих принцев, и позволяют идентифицировать персонажей. Мы видим, что для Эда IV, для которого беспрестанно шили платья из алой или ярко-красной ткани к каждому празднику в году, были куплены у парижского ювелира Робена Ракура и менялы Симона драгоценности и образки, чтобы поднести их Верховному Понтифику и прелатам его окружения, и что он сам получил от Святого Отца в подарок трех ценных скакунов. Сравнивая медали и изображения, относящиеся к Клименту VI, можно с уверенностью утверждать, что здесь мы имеем дело с аутентичным портретом этого Папы [2].

Алая ливрея великого вельможи — это ливрея наших герцогов первой [Бургундской] династии, подобно тому как синяя ливрея — ливрея принцев французского королевского дома. Следует даже добавить, что герцоги из ветви Валуа сохранили для своих костюмов цвета герцогов Капетингской династии, которым они наследовали.

Таким образом, мы имеем, без сомнения, портрет Эда IV, чье сходство тем более вероятно, что два сопровождающих его персонажа также, по-видимому, переданы с верностью.

Следуя своей привычке, Геньер не преминул изобразить отдельно и в полный рост великих вельмож, сидящих, лежащих или стоящих на коленях, однако эти интерпретации, помещенные на следующих листах упомянутого сборника, вы-

полнены гораздо менее тщательно [3]. Художнику, которому мы поручили воспроизведение этих рисунков, было по нашему желанию указано сохранить для Эда черты лица, которые видны на картине, как имеющие более серьёзный характер подлинности. Волосы у него рыжие, как и у его сестры королевы Жанны, супруги Филиппа VI Валуа, чей портрет мы вскоре представим, согласно миниатюре из «Исторического зеркала» Винсента из Бове, — манускрипта, переведённого по её приказу и поднесённого ей Жаном дю Винье.

Если идентичность персонажей не подлежит сомнению, можно ли утверждать, что сюжетом картины из Святой Капеллы было посольство в Авиньон в июне 1344 года? Мы так полагали изначально, но здесь есть одно затруднение. Среди покупок, сделанных Эдом IV незадолго до этой поездки, упоминается только образ святого Иоанна Крестителя, для которого позаботились сделать легенду [надпись?] и для которого изготовили кожаный футляр. Между тем диптих, подносимый здесь нашим герцогом Папе, совершенно отчётливо изображает Иисуса Христа и Деву Марию.

В более торжественной обстановке Жан Добрый, герцог Нормандский, вместе со своим дядей Эдом IV по приказу Филиппа VI Валуа отправился в Авиньон на коронацию Климента VI в церкви братьев-проповедников 19 мая 1342 года. Во время этой церемонии два герцога держали с каждой стороны поводья коня Понтифика и поднесли ему первое блюдо во время пира [4].

Это единственные совместные поездки, которые эти принцы совершили ко двору Климента VI в Авиньоне.

Нам представляется почти несомненным, что эта картина, с которой мы публикуем лишь уменьшенную копию — сожалея о невозможности привести великолепную цветную репродукцию, сделанную для нас по фотографии г-ном Полем де Сен-Этьеном, — была написана по случаю подношения даров во время коронации Климента VI в 1342 году. Какому художнику позволительно приписать эту картину, одну из древнейших из тех, что можно назвать? Следует ли произнести имя Жана Кост, который в 1349 году считался лучшим художником Парижа и тогда состоял на службе у герцога Нормандского, чьим штатным живописцем ему предстояло впоследствии стать, когда Жан Добрый взойшёл на французский престол [5]? Но эта догадка, не подкреплённая никакими достоверными документами, останется бездоказательной.

Мы можем лишь воздать должное проницательности Геньера, который спас от забвения этот небольшой памятник — историческую картину первого порядка, сюжет которой оставался неизвестным, и сохранил для нас копию реликвии нашей старой французской школы, предшествующей примерно на двадцать лет известному всем отдельному портрету Жана Доброго.

Сентябрь 1900 г.

Примечания:

[1] Национальная библиотека, Отдел гравюр, Оа 11, л. 85.

[2] Я считаю своим долгом поблагодарить г-на Анри Бушо, хранителя гравюр в Национальной библиотеке, который любезно способствовал моим изысканиям и предоставил в мое распоряжение все иконографические документы, относящиеся к Клименту VI.

[3] Геньер заказывал воспроизведение нескольких экземпляров изображений персонажей в полный рост, чтобы дарить их друзьям. Существуют две копии портрета Эда IV (Оа 11, л. 87 и 88). Жан Добрый представлен на л. 86, и мы находим его подобным же в томе 633 собрания Клерамбо. Эти поспешно сделанные репродукции оставляют желать много лучшего.

[4] См. подробности в главе LI, в конце настоящего тома. На май 1342 года Жану Доброму, родившемуся 26 апреля 1319 года, было 23 года; Эду IV, родившемуся в 1295 году, было 47 лет, а папе Клименту VI (Пьеру Роже), родившемуся в 1292 году, шёл пятидесятый год.

[5] Бернар Про, Изыскания о королевских живописцах, предшествовавших царствованию Карла VI, с. 10—14. — См. также Архив французского искусства, с. 331 и далее, Заметки о Жане Кост и проч.

Глава XLVI. — Регентство Анны французской, дочери Святого Людовика. — Правление Гуго V. — 1306—1315

Влияние вдовствующей герцогини Анны Французской. — Воспитание Гуго V. — Его наставники Жан Обрио и Ги де Пранжи. — Происхождение богатства Обрио. — Пребывание в Жюньи. — Брак Бланки Бургундской с Эдуардом, сыном графа Савойского. — Совершеннолетие герцога Гуго V. — Война между Одаром де Монтагю и Эраром де Сен-Вераном. — Брак Марии Бургундской с Эдуардом, графом Барским. — Поход молодого герцога в Лионне. — Болезнь и первые завещания Анны Францусокой. — Брак Людовика Бургундского, князя Морей, с Матильдой Геннегау. — Гуго V посвящен в рыцари в Париже; празднества и мотовство по этому случаю. — Принятие креста и условное обязательство герцога участвовать в походе в Святую Землю. — Жан де Шалон-Арле и его сын Гуго — крестоносцы. — Предлоги для сбора десятины. — Крах проектов крестового похода. — Субсидии на рыцарство герцога. — Чрезмерные налоги по этому случаю. — Брак Жанны Бургундской с Филиппом Валуа. — Заботливость герцогини о своих детях. — Церков-

ные бенефиции, обещанные в пользу Роберта Бургундского. — Злоупотребления в предоставлении привилегий Святым Престолом. — Бенефиции, даруемые детям. — Обладатели, освобожденные от обязанности проживания. — Торговля священными вещами. — Беспорядки среди духовенства. — Продажа бенефициев при дворе Климента V. — Плачевное положение монастырей, епископств Лангра и Отена. — Злоупотребления разрешениями на брак по возрасту. — Причины угасания дома герцогов Бургундских первой династии и рода Филиппа Красивого. — Применение королевского ордонанса о евреях в Бургундии. — Конфискации и захваты имущества. — Роль евреев, ломбардцев и кагорцев. — Ограбления и бесчеловечные меры. — Христианские банкиры. — Необходимость прибегать к евреям. — Феодалные лиги. — Восстание сеньоров против злоупотреблений королевской власти. Внезапность образования лиг в Бургундии. — Множество списков конфедерации; имена, встречающиеся в них. — Организация сопротивления. — Волнение при французском дворе. — Ордонансы Филиппа Красивого, содержание которых неизвестно, но издание которых доказано. — Письмо, написанное накануне смерти Филиппом Красивым герцогу. — Собрание конфедератов в Дижоне. — Требования знати к королю Людовику X. — Королевские ордонансы. Уступки. — Гарантии прав и привилегий феодалам. — Всеобщая амнистия. — Решающие причины прекращения существования лиг. — Болезнь, завещание и смерть Гу-

го V; его погребение в Сито.

Роберт II, герцог Бургундский, скончавшийся 21 марта 1306 года в Верноне, при дворе своего племянника Филиппа Французского, графа д'Эврё, оставил по завещанию преемство герцогства двенадцатилетнему ребенку, опеку над которым должна была сохранить герцогиня Анна Французская, дочь святого Людовика, при поддержке и советах графа д'Эврё и Жана де Шалона, сира д'Арле [1].

Гуго V, от рождения слабого и хрупкого телосложения, не суждено было наделать много шума в мире, и его правление является самым незначительным из правлений наших герцогов, все из которых оставили важные следы своего пребывания и своего управления.

Вскормленный и воспитанный Аделиной де Менан, женой одного из баронов Бургундии, и Симонной де Ровр, впоследствии руководимый наставником Ги де Пранжи, сеньором де Бером, человеком высокой ценности, о чем свидетельствует уважение, которое Роберт II выказывает ему в своем завещании [2], Гуго V оставался постоянно подвластным авторитету герцогини Анны, которая, по-видимому, не собиралась отказываться от власти даже после совершеннолетия сына.

Ги де Пранжи был ответственен лишь за верховую езду и физические упражнения ребенка, «обучение тела». Другие учителя обучали его чтению и письму и развивали его умственные качества, такие как Рауль де Бон, самый близкий клерк Роберта II, прозванный Фруашаром, и капеллан по-

следнего, известный лишь под странным прозвищем Квониам. Но умелый клерк, которого герцогиня выбрала для воспитания своих детей, более, чем все остальные, способствовал тому, чтобы дать им знания и вкусы, необычные для того времени. Жан Обрио давал наследникам герцогства такое же образование, как и сыновьям, предназначенным для духовного звания, и даже дочерям, и благодаря такому разумному руководству Жанна Бургундская, став королевой Франции, взяла под свое покровительство ученых при дворе Филиппа Валуа.

Уважение учеников к учителю принесло Жану Обрио высокое состояние, а его семье — почести и заслуженную известность. Гуго V не забывает в своем завещании «нашего дорогого учителя Жана Обрио» [3], а Эд IV первым упоминает его среди своих душеприказчиков.

После возвращения тела Роберта II в Бургундию и его погребения в Сито герцогиня Анна и ее сын направились в Париж, чтобы принести королю оммаж за герцогство и за пэрство, и установить условия опеки перед королевой Марией Брабантской и различными персонами двора (13 апреля 1306 года) [4]. Они оба вернулись в Париж в январе 1307 года и присутствовали в Корбее на двойном бракосочетании слишком знаменитой Маргариты Б., сестры герцога, с Людовиком Сварливым, и Жанны, дочери Отена, графа Бургундии, с Филиппом Длинным [5].

В этот первый период вдовства Анны и юности Гуго V

они проживали чаще всего в небольшом загородном доме в Шатийонне, в Жюньи, близ Бии-ле-Шансо [6]. Незначительность этого жилища, давно разрушенного и ныне представленного лишь фермой, позволяет предположить, что жили там весьма просто и с скромным окружением офицеров герцогского двора.

Герцогиня, озабоченная будущим своих детей, вскоре договорилась о браке своей дочери Бланки с Эдуардом, сыном Амедея, графа Савойского. Соглашения по нему были достигнуты в присутствии короля в Париже 27 сентября 1307 года [7], а торжество бракосочетания было отпраздновано с большой пышностью в Монбаре 17 октября того же года [8]. Гуго V обязался дать в приданое своей сестре двадцать тысяч ливров [9], гарантия по которым была предоставлена Людовиком Французским, графом д'Эврё [10], а Бланка заявила, что, довольная дарованной ей собственностью, она не будет претендовать ни на что из отцовских и материнских владений [11]. Амедей, граф Савойский, отдавал своему сыну, эмансипированному по этому случаю, земли Баже, Кюизри, Сажи, Савиньи близ Бона, с обещанием его наследования графству Савойскому, поручителем за которое выступил Гюг де Вьен, сеньор де Паньи [12].

В конце 1307 года Гуго V вступил в свой четырнадцатый год и достиг феодального совершеннолетия, но за исключением оммажа, принесенного епископу Шалона-на-Соне относительно сеньории Палло [13], клятвы верности, данной

церкви Святого Мартина в Туре [14], согласно обязательству, наложенному на его предшественников, и некоторых оммажей, принесенных различными сеньорами, не видно, чтобы он совершал серьезные акты власти. В качестве пэра Франции он отправился в Булонь в сопровождении своих трех братьев Эда, Людовика и Роберта, чтобы присутствовать 25 января 1308 года на бракосочетании Эдуарда II, короля Англии, со своей кузиной Изабеллой Французской, дочерью Филиппа Красивого [15].

Одна из ветвей герцогского дома производила тогда большие беспорядки в провинции, и частные войны вызвали там сильное волнение, которое отсутствие могущественной руки не позволило подавить, как можно было наблюдать в предыдущие периоды регентства и малолетства. Серьезные раздоры возникли между Эдом или Одаром де Монтагю, кузеном герцога, и Эраром де Сен-Вераном. Друзья этих персон взяли дело и сторону за каждого из них, и последовала ожесточенная борьба между приверженцами двух лагерей, Дрё де Мелло, Миля, сира де Нуайе, Жана, графа де Сансерра, Роберта, дофина Овернского, Берара де Меркёра, трех сеньоров дома де Вьенн, и нескольких других, «между каковыми партиями была ожесточенная битва в графстве Неверском, в день праздника монсеньора Сен-Дени [3 октября 1308 года], но вскоре она была прекращена, и победу одержал означенный Эрар». Король Франции, который не разрешал такого нарушения ордонансов о частных войнах, и особенно раз-

драженный вмешательством различных баронов Империи, велел заточить Дрё де Мелло в тюрьму близ Корбея. Эрар де Сен-Верен, граф де Сансерр, сир де Нуайе были заключены на несколько месяцев в Мелен. Берар де Меркёр, коннетабль Шампани, понесший то же наказание, сумел бежать из тюрьмы, отправился к папе и королю римлян, затем, вняв благоразумным советам, пришел броситься к ногам короля и вымолить прощение, которое было даровано ему грамотой о помиловании (апрель 1312 года) [16].

Обширный замок Монбар, где праздновали свадьбу Бланки Бургундской, стал также местом церемоний бракосочетания ее сестры Марии с Эдуардом, графом Барским, 11 февраля 1310 года, брака, устроенного уже давно [17] и для заключения которого супруги были эмансипированы и получили от папы Климента V диспенсацию по причине родства [18]. Мария получила приданое в двадцать тысяч ливров, как и ее сестра, и Эдуард Барский сразу же дал расписку о первом требуемом взносе, предоставив обязательство невесты не требовать впоследствии ничего из наследования герцогства. Свидетелями и поручителями этого контракта были Эли, епископ Отенский, Миль де Нуайе, Жан де Корсель, маршал Бургундии, Гюг де Бурбон, сеньор де Монперу. Можно полагать, что графиня Маго Артуаская присутствовала на этой свадьбе, ибо примерно в то же время мы находим ее в Бургундии, направляющейся в Франш-Конте, и по возвращении она проехала через Лонви, была принята

2 июня при герцогском дворе в замке Лантене, затем, пересекая Шатийон и Труа, прибыла 9 числа этого месяца в Париж. По приказу Филиппа Красивого герцог Гуго V совершил поход в Лионне в экспедиции под командованием Людовика Сварливого, короля Наваррского, старшего сына короля, при содействии его братьев и дядей. Раздор между горожанами Лиона и архиепископами этого города, долго подогреваемый королевским прево, настроил против последнего обе партии, объединившиеся в общем интересе; горожане осадили и взяли штурмом замок Сен-Жюст, защищаемый прево, и принялись укреплять подступы к городу окопами. Филипп Красивый, довольный провокацией, требовавшей с его стороны немедленного подавления, не преминул упустить представившуюся возможность; но лионцы, которым угрожали внушительные силы, сдались без боя.

Герцог Гуго V находился «в шатрах под Шазо и в Бельвиле» [19], 18 и 23 июля 1310 года. Он реквизирует для этой кампании лошадей и повозки аббатств и созвал множество вассалов, которые не очень-то желали выступать. Балль Маконский хотел преследовать непокорных монахов и приговорить мятежных сеньоров к штрафу, но король воспротивился этому и велел прекратить преследования. Не лишне интереса отметить важность этого похода, который передавал короне столь значительный город, тогда как архиепископ Пьер Савойский, доставленный в Париж графом Амедеем Савойским, главой семейства, получил прощение коро-

ля, отказавшись от основных прав сюзеренитета, связанных с архиепископством Лионским [20].

9 ноября 1311 года [21] Гуго V заключил новое соглашение с герцогиней Анной относительно ее вдовьей доли и взял в свои руки управление своими владениями, о котором, по-видимому, до тех пор мало заботился. Он объехал Бургундию и принял оммажи своих вассалов.

Герцогиня уже некоторое время страдала от болезни, внушавшей ей серьезные опасения, но которой ее крепкое телосложение должно было долго сопротивляться. Она составила первое завещание в 1310 году и добавила к нему кодицилл после приступа лихорадки, случившегося с ней в Боне. Затем, будучи более серьезно больна в Ровре, к ее первоначальным распоряжениям были добавлены новые изменения и изложены устно ее душеприказчикам. Эти акты не дошли до нас и известны лишь по окончательному завещанию от 12 мая 1323 года [22].

Людовик Бургундский, третий из сыновей Роберта II, достиг своего пятнадцатого года, и несмотря на желание, выраженное в последней воле его отца, предназначавшего его к духовному званию, были заключены соглашения о его браке с Матильдой, дочерью Флориса Геннегауского, коннетабля Сицилии, и Изабеллы де Виллардуэн (6 апреля 1312 года) [23]. Герцог Гуго V уступил своему брату, в пользу этого брака, свои права на королевство Салоник, на княжества Ахайи и Мореи, с условием, что тот, со своей стороны, отка-

жется от всяких притязаний на наследование герцогства.

До этой даты сам герцог был обручен с Екатериной [24], дочерью Карла Валуа, графа Анжуйского, Алансонского и Шартрского, но его слабое здоровье не позволяло ему активно вмешиваться для защиты королевств, которые он был не в состоянии защищать [25], и его уговорили отказаться от этого брака, а Екатерина была обещана Филиппу Сицилийскому, принцу Тарантскому.

Гуго V был на двадцатом году жизни, когда он был посвящен в рыцари на праздниках Пятидесятницы (3 июня 1313 года), вместе с двумя сыновьями короля, Людовиком Сварливым и Карлом Красивым, графами де Дрё, де Фуа, Робертом Артуаским и примерно четырьмястами оруженосцами, принадлежавшими к знати различных провинций Франции [26].

Был там Карл и Людовик Французские,
И их великий род в присутствии,
Граф Анжуйский, граф Мэнский,
Герцог Бургундский и граф Артуаский,
И множество других знатных людей... [27]

Церемония дала повод для празднеств, длившихся восемь дней, во время которых можно было видеть шествие трех королей — Франции, Наварры и Англии, окруженных персонами двора, прелатами и высокими сановниками. Хронисты подробно распространяются о великолепии этих церемоний и об убранстве улиц Парижа, запруженных бесчислен-

ным народом [28]. Чтобы достойно в них участвовать, сеньоры делали безумно преувеличенные траты. Герцог Бургундский ехал на гнедом коне, стоившем триста ливров [29], и заказал по случаю Пьеру Ле Мортелье цветок лилии и шляпу ценой в 440 ливров [30], огромную сумму для того времени.

Гуго V принял участие в проектах крестового похода, которые были с энтузиазмом одобрены многими князьями и баронами, собравшимися по случаю этих празднеств, 6 июня 1313 года, но лишь 20 февраля 1315 года он представил условия, на которых он обязывался совершить переход в Святую Землю. В тот же день кардинал Николя де Сент-Эзёб, нунций папы, прибыл в Компьень, чтобы побудить и собрать имена верных, желающих участвовать в экспедиции. Король присутствовал при этом со значительным числом баронов, прелатов и народа. Гуго V принял крест из рук кардинала, и притом с величайшим благоговением, «с благочестием и смирением», но он позаботился письменно оговорить свои условия. А именно, он вовсе не намеревался участвовать в походе за море и в каком-либо сборе, если только король Франции или король Наваррский, его сын, также не примут в нем участия [31].

Жан де Шалон, сир д'Арле, дядя герцога, и его сын Гюг де Шалон приняли более твердые обязательства. Жан даже получил, как и его жена Маргарита Бургундская, все индульгенции, дарованные крестоносцам [32]. Но в других местах эти благородные проекты встречали меньше восторга, ибо

не один барон опасался, что в его отсутствие сосед захватит его владения, как, например, Отен де Грансон, который, отправляясь в путь, едва прибыл в Авиньон, как уже Эмон де Ла Палю завладел его имуществом [33].

Крах этих экспедиций оправдывал несговорчивых плательщиков, отказывавшихся платить десятину и за это понесших наказание отлучения. Епископ Осерский получил от папы приказ отпустить грехи лицам своей епархии, на которых лежало это отлучение [34].

Все эти проекты, которым не суждено было осуществиться, служили предлогом для новых налогов, собиравшихся в пользу крестоносцев. Оговорки герцога были таковы, что в герцогстве не посмели их требовать. На тот момент собрали лишь обычные субсидии, причитавшиеся за его новое рыцарство, но и там были злоупотребления. Рыцари Ги де Брион и Юмбер де Л'Эспинас были назначены комиссарами для установления раскладки этого сбора. Эшевены Дижона и мэр Гийом де Курсель взимали с каждого жителя налог, размер которого устанавливался назначенными для этого благонамеренными людьми [35]. Такие же контракты были заключены с другими коммунами, как, например, в Осонне [36]. Монастыри также были обложены налогом, и монахи Сито должны были уплатить по этому случаю сумму в две тысячи ливров.

Это вспомоществование, медленно собиравшееся, тяжелым бременем легло на население, и два года спустя Эд IV

все еще взимал средства с прево Шатийона-на-Сене для нового рыцарства своего покойного брата [37]. Бремя этого налога вызвало многочисленные протесты в провинции и породило некоторые угрызения совести в душе умирающего Гуго V, который во втором кодицилле своего завещания включил исправительную статью: «Также мы желаем, постановляем и повелеваем, чтобы все те, кто были слишком обременены, слишком отягощены нашим вспомоществованием для нашего рыцарства и кто слишком от него пострадал, были бы достаточно от него избавлены и освобождены».

В конце июля 1313 года в Фонтенбло состоялись свадьбы двойного бракосочетания между Жанной Бургундской, сестрой герцога, и Филиппом Валуа [38], с одной стороны, и между Екатериной Валуа и Филиппом Сицилийским, принцем Тарантским — с другой. В приданое Жанне Бургундской давались владения Куртене и Шантелу, а Филипп Валуа получал в виде аванса на наследство графства Анжу, Мэн и Ла-Рош-сюр-Йон. Герцогиня могла радоваться тому, что ее четыре дочери хорошо устроены, не предвидя блестящей судьбы, уготованной Жанне, которой предстояло долгие годы носить корону королевы Франции.

Отныне спокойная за судьбу своих дочерей, Анна не теряла из виду будущего своих сыновей. После того как она выдала замуж Людовика, она прибегла к влиянию Филиппа Красивого, чтобы получить бенефиции для своего последнего сына Роберта, предназначенного, как и его брат, к ду-

ховному званию. Климент V дал заверение в предоставлении канониката и пребенды в церкви Шартра для Роберта, которому тогда было восемь лет [39].

Нельзя было сделать меньше для брата герцога Бургундского, чем для его кузена Пьера, сына Роберта, графа Клермонского, который уже в возрасте девяти лет был наделен архидиакономством Тоннера, деканатом Амьена и каноникатами в епархиях Лангра и Парижа [40], или чем для младшего брата Гишара, сеньора де Боже, которому были обеспечены бенефиции, несмотря на его крайнюю молодость, в ожидании того, когда он сможет принять сан [41].

Это было, с усугублением, продолжение злоупотреблений, на которые столь сильно жаловалось духовенство наших провинций в предшествующее царствование [42].

Не советуясь с капитулом Лангра, папа Климент V по собственной власти назначил своего дядю Бертрана де Гота на епископство этого города после смерти Жана де Рошфора и лишь попросил короля принять эту номинацию благосклонно [43]. Бертран обязался уплатить девять тысяч флоринов золотом [44], но, не найдя условия выгодными, спустя несколько месяцев отказался от своей лангрской прелатуры, чтобы вернуться к епископству Ажена, которое он занимал ранее. Другой персонаж, чуждый епархии, но родственник папы, Гийом де Дюрфор, сменил его на кафедре Лангра [45] и внес около десяти тысяч флоринов [46], не считая трех тысяч турецких ливров, которые он затем занял на нужды своей

церкви [47]. Эли, утвержденный 30 июля 1308 года во владении епископской кафедрой Отена [48], одновременно занял десять тысяч ливров [49], получил паллий в следующем году [50] и был уполномочен продать некоторые леса, чтобы, как он говорил, покрыть расходы, потребовавшиеся его поездкой на Вьеннский собор, и поддержать тяжбы, которые ему пришлось вести против герцога Бургундского [51]. Мы не будем говорить о затруднениях епископа Осерского, архиепископа Санса и особенно Пьера Савойского, архиепископа Лионского, которому грозили церковные наказания и даже интердикт за неспособность выполнить денежные обязательства, по которым он получал отсрочки [52].

Это плачевное положение тяжелым бременем ложилось на монастыри, уже обремененные десятинами, различными повинностями и сильно обремененные долгами вследствие плохого управления тех, кто ими руководил. Миль де Биссе, аббат Молема, назначенный аббатом Сен-Бенинь в Дижоне [53] после смерти Анри д'Арка, обязался предоставить Святому Престолу три тысячи золотых флоринов и начал с того, что занял такую же сумму у флорентийских купцов [54].

Пагубное положение, в котором оказался монастырь Сен-Сен, несколько не улучшилось. Аббат Гюг, назначенный в начале 1307 года, обещал папе пятьсот флоринов [55], но так как аббатство было обременено долгом в 10 700 флоринов, он был вынужден делать займы и отчуждать владения, принадлежащие аббатству [56]. Кроме того, ему было разре-

но принять двенадцать монахов, потому что число монахов, ранее составлявшее сорок, сократилось до двадцати [57].

Не будем настаивать на состоянии, обремененном долгами, аббатств Клюни, Потьер, Везле, Турню, где епископ Маконский был назначен провести реформу [58], и даже Шартрёз дю Валь-де-Шу, где были зафиксированы серьезные беспорядки [59].

Многочисленные важные бенефиции должны были быть своеобразно управляемы своими обладателями, которые, по специальному разрешению, не были обязаны проживать на месте. Гийом де Дюрфор, епископ Лангрский, почти всегда отсутствовавший в своей епархии, перекладывал на поверенных заботу о ее управлении [60]. Симон де Шомон, архидиакон Аваллона, каноник Вердена, наделенный богатыми пребендами, поручал заменять себя в пастырских визитациях [61]. В возрасте одиннадцати лет Пьер де Клермон был мало способен наблюдать за своим архидиаконством Тоннера [62]. Пьер де Шалон, клирик и домочадец короля Филиппа Красивого, которому он был обязан многими привилегиями, мало занимался деканатом Эгперса в Отене, а Пандульф де Савелли, нотариус папы, озабоченный получением своих доходов в полтора десятке епархий, был достаточно занят, чтобы заботиться об церковном управлении превоством Шабли [63].

Если и происходили некоторые нарушения и злоупотребления среди духовенства, то благодаря этому отсутствию ав-

торитета и серьезного руководства. В епархии Лангра жаловались на действия «еретиков». Климент V направил туда инквизитора веры и поручил приору Серкё и Жану Ле Ру, ректору братьев-проповедников в Лангре, провести расследование «против отвратительного порока содомии» [64]. Эли, епископ Отенский, был уполномочен применить церковное наказание против тех, кто нарушал его юрисдикцию и захватывал имущество его церкви. Ему было приказано устранить и даже лишить их бенефициев клириков, имевших сожительниц и не желавших исправиться [65]. Папа, обращаясь к мэру и эшевенам Дижона, излагал злодеяния Симона из И-сюр-Тий, священника, разграбившего имущество церкви Крессе и отказывавшегося вернуть его ректору Жану де Бренну, обладателю бенефиция [66].

Своеобразные уступки Святого Престола, легкость, с которой предоставлялись за плату и по чисто политическим мотивам диспенсации на брак между близкими родственниками, дядьями, шуринами, племянниками, племянницами, браки, иногда заключаемые между супругами, едва достигшими возраста полового созревания, оказали самое пагубное влияние на династию Капетингов, ветви которой исчезали одна за другой, несмотря на многочисленность детей. Угасание дома наших наследственных герцогов первой династии не должно было долго пережить многочисленное потомство Филиппа Красивого.

Начало регентства Анны Французской было отмечено се-

рьезным событием и применением королевского ордонанса о евреях: «в лето от милости тысяча триста шестое, в августе месяце, в субботу в день Магдалины, были взяты евреи герцогства Бургундского». Их имущество было конфисковано, и в различные местности, где они проживали, были направлены чиновники для описи их движимого имущества, драгоценностей и долговых обязательств. Пьер де Солон, каноник Святой Капеллы в Дижоне, Гийом де Бразе и Гюг-Орфевр были назначены составить опись предметов, конфискованных у дижонских евреев, и продажа этих предметов, не считая драгоценностей и долговых обязательств, составила 3 411 ливров 10 су [67]. Конфискованное имущество в Шалоне-на-Соне и Бюкси дало общую сумму в 23 568 ливров [68]. Такие же операции были проведены в Семюре, Аваллоне, Монбаре, Беньё, Саливе, Жюньи, Везле [69]. Протоколы этих конфискаций дошли до нас не все, но несомненно, что в XII и XIII веках многие бургундские местности, и не самые важные, насчитывали среди населения нескольких евреев, которым иногда давали странные имена [70].

Должники-миряне или церковнослужители, упомянутые в этих различных описях, принадлежат ко всем слоям общества, и среди главных персонажей, которые там фигурируют, мы видим Маргариту Бургундскую [71], графиню де Тоннер, королеву Иерусалима и Сицилии, тогда обремененную долгами из-за строительства своих госпиталей и множества своих добрых дел; Риамбор, даму де Тиль-Шатель, ко-

торая заложила пояс стоимостью в 40 ливров; Марию, даму д'Аржантёй; Миля, сеньора де Нуайе; Эда де Руссийон; Ги де Бовуар; Эда, сира д'Овийяр; Миля де Мармо; Этьена, сира де Навийи; Гийома де Миманд; Эда де Фонтен-ан-Дюэмуа; Гюга де Жанли; Перрено де Монтойо; приоров Тиля, Шариньи; каноников Лангра, Отена и т. д. [72]

Герцог Роберт II, которого не часто руководствовали чувства человеколюбия, всегда противился суровым мерам, требовавшимся против евреев в его владениях. Он не стал применять королевские ордонансы 1305 года, предписывавшие бальи и сенешалам принуждать должников евреев платить их долги, зная, что эта мера имела целью лишь затем с большей выгодой ограбить этих несчастных, эксплуатируемых по произволу.

В своем завещании 1302 года [73] Роберт II четко выразил свои чувства: «Я желаю, если я не получу лучшего совета, чтобы евреи оставались в моей земле главным образом из человеколюбия, и чтобы они торговали честно без ростовщичества и жили своим трудом».

Нужно добавить, что евреи в Бургундии были источником доходов для герцогской казны и ежегодно платили довольно значительные налоги, сумма которых в конце XIII века превышала пятьсот ливров [74]. Более того, наши герцоги, часто нуждавшиеся в деньгах, слишком часто прибегали к кошелям евреев, ломбардцев и кагорцев, чтобы лишать себя их услуг.

И те и другие находили в Бургундии больше преимуществ, чем где-либо еще. С ними там обращались менее жестоко, и они охотнее основывали там свое местожительство. В то время как во Франции оспаривали у евреев право приобретать даже недвижимость в простонародье, они смогли стать собственниками в наших городах и местечках, и в одном только Дижоне они владели двадцатью двумя домами, землями, виноградниками, школой, синагогой, кладбищем [75].

Четыре месяца спустя после смерти Роберта II конфискация была применена в Бургундии во всей своей строгости, и герцогиня Анна, дочь святого Людовика, не посчитала зазорным воспользоваться выморочным имуществом, происходящим от конфискаций.

Несмотря на всеобщее изгнание, евреи продолжали пребывать в стране, либо в силу частичных и временных разрешений, либо в качестве терпимых, ибо было легче конфисковать их имущество, чем обойтись без их содействия. Христианские банкиры могли временно помочь лицам, нуждавшимся в деньгах, но требования некоторых недобросовестных займодавцев заставили почти пожалеть о первых займодавцах, более уступчивых и вынужденных быть сдержаннее.

Недостойное обращение, ограбления и бесчеловечные меры, которым подвергались несчастные еврейские семьи, возбуждали сострадание и угрызения совести у герцога Гуго V, который потребовал в своем завещании возврата имуще-

ства, которым он и его окружение незаконно воспользовались [76].

В 1315 году последовали протесты не только дворян, но и некоторых монахов герцогства Бургундского, графства Форез, епархий Лангра, Отена и Шалона, требовавших вновь урегулировать еврейский вопрос, и король Людовик Сварливый удовлетворил эту просьбу [77].

ФЕОДАЛЬНЫЕ ЛИГИ. — Последняя кампания против Фландрии, правдивое или ложное известие о предстоящем походе, угроза налога, по которому уже были отправлены инструкции от короля [78], ордонанс против турниров и ристалищ [79], запрет частных войн и различные меры, рассматриваемые как ущемляющие права бургундского дворянства, столь ревнивого к своим привилегиям и своим правам, вызвали в провинции потрясение, выразившееся в настоящем восстании против королевской власти.

Бургундские сеньоры, раздраженные при святом Людовике церковными притязаниями, тогда энергично протестовали и выступили с резким манифестом против действий Церкви [80]; их потомки, не менее недовольные злоупотреблениями королевской власти, угрожавшими их свободам и особенно их интересам, вновь объединились рука об руку для самозащиты. Без предварительного сговора внезапный толчок негодования всколыхнул умы, возникло всеобщее движение протеста, и бароны, солидарно связанные за несколько дней одной и той же формулой присяги, объявили

себя готовыми к открытой войне для защиты своих прав и привилегий.

Эта готовность к борьбе произошла не в первые месяцы 1314 года, как это было сказано [81], но лишь в первые дни ноября того же года.

Должно быть, одновременно распространялись различные списки, поскольку одни и те же имена встречаются в нескольких из них. Первый составлен бургундскими сеньорами; второй исходит от баронов, принадлежащих к Бургундии-Шампань, и заканчивается приверженцами предыдущего списка. Дворяне и коммуны Шампани дают свое согласие 14 ноября. Известно около десятка актов об ассоциациях, и участие феодалов нашей провинции засвидетельствовано в каждом из них [82].

Мы видим в них главных офицеров герцогства, сенешаля Анри де Вержи, сира де Фувана, маршала Жана, сеньора де Курселя, Жана де Фролуа, сира де Молино и главных представителей наших феодальных семей [83]. Все дают свое согласие на лигу, не только рыцари-баннереты, но и держатели менее значительных фьефов, числом около ста двадцати. И чтобы придать больший вес этим притязаниям, аббаты, приоры, деканы капитулов, городские коммуны герцогства также выражают свое недовольство и дают торжественное обязательство отказать в любой неразумной субсидии, требуемой королем. Они обещают оказывать взаимную поддержку и заявляют о решимости принять самые энергичные

меры.

Вожаки этого сопротивления сразу же доказали, что их организация должна быть долговременной, ибо в главном из этих манифестов и по итогам большого собрания была назначена постоянная комиссия. Она состояла из самых значительных персон провинции и наиболее достойных по возрасту и авторитету отстаивать требования недовольных. Ришар де Монбельяр, сир д'Антиньи, Жан де Люзи, Робер де Грансе, сеньор де Ларре, Жан де Курсель, маршал Бургундии, Жан де Шарни и Эд, сир де Грансе, были назначены защищать общие интересы и должны были заседать либо в Боне, либо в Дижоне, «чтобы охранять и управлять пределами» и передавать дворянам, разбросанным по провинции, решения комитета.

Каждый год в Дижоне должно было собираться общее собрание на следующий день после октавы Пасхи, то есть в понедельник Quasimodo, чтобы заниматься общими делами, обсуждать поведение уполномоченных и принимать решения. На данный момент и на настоящий 1314 год сир де Грансе, де Корсель и д'Антиньи получили самые широкие полномочия, но в случае разногласий между ними мнение Ришара д'Антиньи должно было преобладать, и фактически он был облечен настоящим председательством и верховной властью, перед которой все остальные должны были склоняться.

Приверженцы этой грозной лиги, дворяне Бургундии,

Шампани, Осеруа, Тоннеруа, Ниверне, Фореза, вместе с духовенством и коммунарами этих различных провинций, поклялись на святых Евангелиях соблюдать эти условия, «пока будут жить».

Внезапность организации была такова, что лиги, образовавшиеся в начале ноября 1314 года, были связаны между собой и уже объединены к середине того же месяца, и что несколько дней спустя содержание этих революционных манифестов достигло французского двора, где вызвало крайнее волнение. Что бы ни говорили о властном и упрямом характере Филиппа Красивого, несомненно, что это беспрецедентное восстание, с которым приходилось считаться, произвело сильное потрясение на дух уже тяжело больного короля:

Король ответил кротко,
Что он исправит это [84].

Доказательством тому служат ордонансы, которые затем были обнародованы, но текст которых до нас не дошел, так как чиновники Филиппа Красивого не желали заносить в регистры канцелярии документы подобного рода, которые, напротив, было выгодно уничтожить и свести на нет. Один документ из Сокровищницы хартий не оставляет в этом никакого сомнения, ибо 18 мая 1315 года Людовик X приказывает своим бальи принести присягу ордонансам, изданным его отцом, «статутам или ордонансам, изданным дражайшим государем и родителем нашим» [85]. Также ссылались на со-

временный документ, найденный в Record Office [86], но строго не установлено, что этот проект ордонанса, без даты, предшествует вступлению на престол Людовика X.

Нам нет нужды прибегать к иностранным архивам, чтобы удостовериться в чувствах, волновавших окружение короля, ибо Палата счетов в Дижоне хранит документ еще более красноречивый. Это письмо, написанное из Фонтенбло накануне его смерти Филиппом Красивым и адресованное герцогу Бургундскому [87]. Оно датировано четвергом перед днем святого Андрея, то есть 28 ноября, в самый день, когда король диктовал свой последний кодицилл [88].

Филипп Красивый умер 29 ноября 1314 года, а 1 декабря, когда новость об этой смерти еще не могла дойти до провинций и когда последние примирительные распоряжения монарха не должны были быть известны, недовольные из Вермандуа, Бовези, Артуа, Понтьё дали свое согласие на бургундскую лигу, чтобы противостоять посягательствам короны на их свободы.

Кажется несомненным, что в соответствии с обязательствами акта об ассоциации бургундское дворянство провело в Дижоне назначенное на понедельник Quasimodo, пришедшийся на 31 марта 1315 года, собрание, и что конфедераты, желая добиться торжества своего дела, поставили нового государя Людовика X перед необходимостью дать положительные обещания относительно их требований. Сомнения больше нет при изучении писем и ордонансов месяцев апреля и

мая, которые последовали. В апреле король, находясь в Венсенне, объявляет, что он ознакомился с жалобами, поданными дворянами герцогства Бургундия, в его епископствах Лангр, Отен и в графстве Форез. Он утверждает, что, желая мира и после зрелого обсуждения, отныне нельзя будет действовать против баронов по простому доносу; нельзя будет наложить руку ни на них, ни на их замки, лишая их права предоставлять поручителей; нельзя будет препятствовать им вести войны и контриграбить, ни стеснять их в отправлении их правосудия; нельзя будет принуждать их давать заверения в открытой войне; король не сможет стать приобретателем их имущества без их формального согласия и т.д., всего четырнадцать статей. Акт того же апреля, датированный Парижем, дарует амнистию дворянству графств Осер и Тоннер по поводу их лиги.

Герцог Бургундии Гуго V, скончавшийся тем временем, побудил короля Людовика X написать из Венсенна его премьеру Эду IV в среду 14 мая, приказав ему восстановить обычаи и права подданных герцогства, как они были во времена святого Людовика и в начале правления Филиппа Красивого, угрожая принудить его к этому, если эти формальности не будут выполнены.

Имеются два документа от 17 мая: ордонанс, содержащий тридцать четыре статьи, по поводу жалоб, поданных на офицеров короны, о которых должно быть проведено расследование, и письмо об амнистии для конфедератов герцогства,

проживающих в епархиях Лангра, Отена и Шалона, в графствах Форез и Божё. Предписание от 18 мая, адресованное сенешалям Лиона и Оверни, бальи Макона и Санса, предписывало им принести присягу ордонансам, обнародованным им и покойным королем, его отцом, относительно прав и привилегий дворян и монахов герцогства [89]. Наконец, письмом того же месяца король дарует всеобщую амнистию феодалам графства Шампань и снимает штраф, к которому они были приговорены в связи с лигами.

Удовлетворенные восстановлением своих привилегий, бургундские дворяне больше не имели чего требовать. Легисты и адвокаты были побеждены. Ангерран де Мариньи, несправедливо принесенный в жертву ненависти феодалов, был искупительной жертвой и залогом, примирявшим их с королевской властью.

Впрочем, договаривающиеся стороны этих ассоциаций должны были защищать противоположные интересы. Эти конфедераты, временно объединившиеся, были врагами при всяких других обстоятельствах. Духовенство, долгое время боровшееся с баронами, не было заинтересовано в усилении могущества своих противников. Коммуны, находившиеся в разногласии с сеньорами, ничего не могли ожидать от победы последних, и эти лиги, начавшие борьбу со столь угрожающими формулировками и столь громким шумом, распадаются и больше не подают признаков жизни у нас.

Более того, титул конфедерата, который носили с честью,

вскоре становится причиной дискредитации. В октябре 1317 года Парижский парламент приказывает освободить Жана Карбонеля, который обвинил Жирара де Мери, рыцаря короля, капитана, делегированного в область Лангра, в том, что тот входил в лигу дворян против королевской власти и потому недостойн занимать этот ответственный пост [90]. В течение этого периода феодального волнения молодой герцог, по-видимому, мало участвовал в событиях, происходивших вокруг него. Сильно занятый заботой о болезни, которая должна была привести его в могилу, он переезжал из замка в замок и мало выходил из своих резиденций. Плохие времена года, неурожаи, заразные болезни, которые постигли наши провинции в течение двух последних лет его жизни [91], по-видимому, оказали пагубное влияние на его хрупкое телосложение. Это плохое состояние здоровья поставило его гораздо раньше в необходимость отказаться от намеченного брака с Екатериной Валуа, наследницей Константинопольской империи. Новые обязательства, взятые на себя с Жанной Французской, дочерью Филиппа Длинного, также не имели продолжения, как и первые [92], и эта невеста, которой тогда было шесть лет, должна была позднее выйти замуж за его брата Эда IV.

В момент последнего призыва для похода во Фландрию Гуго V составил свое завещание в Нойоне 4 сентября. Возможно, он еще не терял надежды вступить в брак, поскольку назначал наследниками своих детей мужского пола, а за

их отсутствием — своих дочерей. В случае если он умрет без прямого потомства, он назначал своими преемниками по очереди старшинства своих братьев Эда, Людовика и Роберта, а за их отсутствием — свою сестру Бланку, графиню Савойскую. Он требовал, чтобы последняя воля его деда Гуго IV была исполнена в том, что касается помощи Святой Земле, и чтобы, если его наследники лично не примут участия в походе за море, была бы зарезервирована сумма в три тысячи турецких ливров для дворян, которые согласятся участвовать в экспедиции.

Довольно значительное число завещательных отказов предназначено монастырям, церквям и офицерам его дома. Душеприказчиками назначены Одар, сир де Монтагю, его кузен, Жан де Лонви, Матье де Монмартен, Пьер де Блано, сеньор д'Юксель, и его два клирика Жан Обрио и Пьер де Мене, официал Парижский.

Первой статьёй своей последней воли Гуго V пожелал, чтобы его погребли в хоре Святой Капеллы в Дижоне, обслуживаемой четырьмя капелланами, каждый из которых наделен рентой в двадцать пять ливров. Это распоряжение стало причиной чрезвычайно жарких споров между канониками, которые пользовались этой статьёй, и монахами Сент-Этьена, которые оспаривали это право под предлогом, что у каноников не было кладбища. Герцог был вынужден отказаться от этого проекта в своих кодициллах, последний из которых датирован 29 апреля. В одном из них он дарит своей корми-

лице Аделине де Менан сумму в шестьдесят ливров. Хирург Готье, врачи Гийом де Шандивер и Мартен де Флёри, которые так усердно ухаживали за ним во время его болезни, не были забыты, а его дорогой учитель Жан Обрио получил в вечное наследство дом Шанмоль.

Гуго V умер в Аржийи в первые дни мая 1315 года, на двадцать втором году жизни. В понедельник 12-го его тело было торжественно доставлено в Сито и там погребено в присутствии большого стечения рыцарей и аббатов [93].

ГЛАВНЫЕ СЕНЬОРЫ РЕГИОНА, КОТОРЫЕ ФИГУРИРУЮТ В СПИСКАХ ФЕОДАЛЬНЫХ ЛИГ ПРОТИВ ФИЛИППА КРАСИВОГО.

Анри де Вержи, сир де Фуван, сенешаль Бургундии;
Жан, сеньор де Корсель, маршал Бургундии;
Жан де Шатожийон, сир де Люзи;
Робер де Шатильон-ан-Базау;
Жирар де Шатильон, сир де Ла-Рош-Миле;
Ришар де Монбельяр, сир д'Антиньи;
Эд, сир де Грансе;
Жан, граф де Ла-Рош;
Гийом, сир де Верден;
Анри де Бургонь, граф;
Юмбер, сир де Ружмон;
Эд или Одар, сир де Монтагю;
Жан, сир де Тиль;
Гийом де Мелло, сир д'Эпуасс;

Робер де Грансе, сир де Ларре;
Жан де Мон-Сен-Жан, сир де Шарни;
Жан де Лонви, сир де Раон;
Гийом, сир де Пем;
Гюг де Бурбон, сеньор де Монперу;
Робер, сеньор де Рошфор-сюр-Бревон;
Жан, сеньор де Сен-Бёри;
Ги де Базарн, сеньор дю Во-де-Люньи;
Матье, сеньор де Монмартен;
Этьен, сеньор де Сомбернон;
Эд, сеньор де Мариньи-ле-Кауэ;
Готье де Фролуа, сеньор де Рошфор-сюр-Армансон;
Жан, сеньор де Шарже;
Ги де Майи;
Ги, сеньор де Вильярну;
Жан Дама, сир де Марсийи;
Этьен де Муасе, сеньор де Лонжо;
Гюг д'Арк-сюр-Тий;
Жан, сеньор де Шатожийон;
Жан, сир де Жуанвиль, сенешаль Шампани;
Жан, граф де Жуаньи;
Гийом де Дамьер, сир де Сен-Дизье;
Филипп, сир де Планси;
Гюг, сеньор де Конфлан;
Эрар, сир де Нантёй;
Анри дю Буа;

Жан, граф де Гранпре;
Обер де Торотт;
Дрё, сир де Треней;
Ги, сир де Бруайе;
Жан де Жуанвиль, сеньор де Жюлли-сюр-Сарс;
Жан, сеньор де Ла-Фош;
Готье, сеньор д'Аржильер;
Дрё, сир де Шапп;
Жан де Гарланд, сир де Посесс;
Жан де Фролуа, сеньор де Молино;
Этьен де Мон-Сен-Жан;
Гийом, сеньор де Сенесе;
Юсташ де Конфлан;
Гийом, сеньор де Сен-Шерон;
Ожье, сеньор д'Англиор;
Гюгенен де Шатожийон, сеньор де Плёрр и де Бай;
Жан де Сен-Дизье, сир де Виньори;
Этьен, сеньор де Сен-Фаль;
Жоффруа де Ан;
Жан де Тиль, сеньор де Воклер;
Жан де Сен-Флорантен, сеньор де Вевр;
Жан де Сен-Флорантен, сеньор де Жож;
Юг де Шапп;
Анри де Треней, сеньор де Вильнёв;
Гийом д'Эснон, сеньор де Лакон;
Жан, сеньор де Герши;

Флоран де Малиньи, сеньор де Монтиньи;
Жан де Шалон, граф д'Осер;
Жан, сеньор де Бурлемон;
Жан, сеньор де Шуазёль;
Гийом д'Арси, сеньор де Шасне и Пизи;
Аликс, дама де Фролуа;
Гийом де Понтайе, сеньор де Тальме;
Гийом, сеньор де Шодене;
Ги, сеньор де Вильер;
Ги де Пранжи, сир де Бер;
Жан, сеньор де Труан;
Эрве де Сафр;
Александр, сир де Блези;
Филипп де Шовре;
Эрар, сеньор де Мезе;
Симон, сеньор де Гренан;
Жан и Пьер де Сен-Сен;
Ги де Сен-Сен, сеньор де Вильфранкон;
Миль де Шатонёф, сеньор де Торе;
Перрен де Шатонёф, сеньор де Виллен;
Пьер и Гийом де Момон, сеньоры де Монфор;
Ги де Шателью;
Ги д'Отён, сеньор д'Арсонсе;
Эд де Семюр, сеньор де Монтий;
Гьо д'Отён, сеньор де Драси;
Перрен д'Отён, его брат, сеньор де Шевиньи;

Жан де Марсийи;
сеньор де Рани-ан-Осуа;
Гюгенен де Монестуа;
Жан де Сюлли;
Жан д'Антюи;
Жан де Креси;
Гийом, сеньор де Ла-Гранж;
Жан, сеньор де Ла-Мот-Сен-Жан;
Годен де Солон;
Жан, сеньор де Нанту;
Гьо дю Пайи;
Гьо де Креси;
Гийом, сеньор дю Фоссе;
Одо, сеньор де Монто;
Ги, сеньор де Пьепап;
Жирар де Марэ;
Жан и Рено де Лёгле;
Гьо де Перриньи;
Аликс д'Эстрабонн, дама де Жанли;
Жан, сеньор де Монтиньи-сюр-Об;
Пуансе, сеньор де Шодене;
Жан, сеньор де Куртиврон;
Гийом, сеньор де Вильконт;
Эмонен дю Ме;
Гюг де Шалон;
Айме, сир де Ре;

Эрар, сир де Лезинн;
Матье де Мелло, сир де Сен-Бри;
Жан, сир де Сеньеле;
Эрар д'Арси, сир де Шассинель;
Робер де Рошфор, сир де Бражелонн;
Жан де Мармо, сир де Равьер;
Гюг, сеньор д'Аржантёй;
Жан, сир д'Анси-ле-Франк;
Гийом де Танле, сир де Сен-Винемер;
Жак, сеньор де Паси-сюр-Армансон;
Итье д'Анси-ле-Франк;
Этьен де Мон-Сен-Жан, сеньор де Кюзи;
Жан де Дигуан, сеньор д'Арси-сюр-Кюр;
Гьо де Дигуан;
Жан де Венсель;
Ренье де Вилье-ле-О;
сеньоры де Шатонёф, де Берзе, де Бранж, де Навийи и т. д.
Примечания к главе XLVI:

[1] « Я повелеваю и постановляю, чтобы мессир Гюи де Бере, мой возлюбленный и верный рыцарь, был наставником и учителем для особы названного наследника, герцога Бургундии, и чтобы герцогиня или правитель, или названный наследник оказывали названному Гюи всё подобающее такому человеку во всех делах» (Завещание герцога Роберта II. 1297). — «Я желаю и постановляю, чтобы Гийо де Пранже, мой маршал, был главным слугой герцога, моего сына, пока

тот будет оруженосцем, а в случае, если он станет рыцарем, я желаю, чтобы он был его наставником» (Кодицилл Роберта II, 1302). — Гуго V в своём последнем кодицилле от 28 апреля 1315 года вновь упоминает своего возлюбленного и верного рыцаря сеньора Гюи де Пранже. — Этот персонаж умер в июле 1316 года, в понедельник перед днём святого Варнавы.

[2] «В возмещение пятидесяти ливров ренты с земли, которые мы завещали, мы даруем нашему дорогому наставнику Жану, по прозвищу Обриу, в вечное наследственное владение наш дом, называемый Шанмуль, расположенный близ пруда Аббе, у Сен-Бениня в Дижоне» (Кодицилл герцога Гуго V, 27 апреля 1315).

[3] Планше, т. II, прил. CLXXXIII.

[4] *Recueil des historiens de France*, т. XXI, с. 28, 647, 726; т. XXIII, с. 194; т. XX, с. 594; *Bibl. de l'Ecole des Chartes*, 1883, с. 17; Пьепан, *Histoire de la Réunion de la Franche-Comté à la France*, 1881, т. I, с. 51.

[5] Архив департамента Кот-д'Ор. Пенседе, т. II, с. 87; *ibid.*, т. I, с. 271; Национальный архив, Р 1360², шифр 834; Дюмон, *Corps diplomatique*, т. I, ч. I, с. 344, кол. 2; Гишено, *Histoire de Savoie*, т. II, с. 101.

[6] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 303.

[7] Планше, т. II, прил. с. CXXXIV и след. (4 документа).

[8] Жюньи, 10 октября 1307; Гишено, *Histoire de Savoie*, т. II, с. 161.

[9] Париж, 18 октября 1307, Планше, т. II, прил. с. CXXXIII.

[10] Монбар, 17 октября 1307, Планше, т. II, прил. с. CXXXIV, кол. 2.

[11] 17 октября 1307, Планше, т. II, прил. с. CXXXV, кол. 1.

[12] Бон, 13 ноября 1307, Национальная библиотека, лат. 17089, Картулярий епископства Шалона, с. 413—414.

[13] 25 мая 1308, Архив департамента Кот-д'Ор, В. 11634.

[14] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 991; В. 1279; Пенседе, т. II, с. 544; т. I, с. 117; т. VIII, с. 18; т. II, с. 79; т. X, с. 3 и 8; Национальный архив, J. 248, №13.

[15] См. Хроники Гийома де Фраше, де Нанжи и др. в Dom Bouquet, и Les Grandes Chroniques, т. V, с. 179—180.

[16] Жан де Шалон-Арле вёл переговоры об этом браке. 3 мая 1306 года Эдуард, король Англии, дядя графа Бара, писал своей дорогой кузине Агнессе, герцогине Бургундской, что он получил из рук Жана де Шалона письма относительно этого брака, и просил её соблаговолить выдать сумму приданого заранее, чтобы покрыть долги жениха (Rymer, Fœdera, т. I, ч. IV, с. 32). Герцогиня, будучи хорошей хозяйкой, по видимому, не вняла этим доводам и не сделала никакого аванса, несмотря на хвалебные и лестные выражения в послании короля Англии.

[17] 31 октября 1308, Regestum Clementis papæ V, №3246, и Планше, т. II, прил. CLXXVII.

[18] Шазе и Бельвиль — две коммуны в округе Виль-франш (Рона).

[19] 1 сентября 1310, оригинал, Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата. В. 287.

[20] Планше, т. II, прил. ССVII.

[21] Планше, т. II, прил. ССXXXIV.

[22] Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 292.

[23] Гуго V было всего шесть лет, когда герцог Роберт II, его отец, обручил его с Екатериной де Валуа. Это заставляет Жана де Сен-Виктора сказать: «Hugo V cum Catharina de Valesio sponsalibus, non autem matrimonio junctus» (Dom Bouquet, т. XXI, с. 645 Н). Папа Климент V буллой от 3 июня 1307 года предоставил диспенсацию для этого брака, несмотря на родство в двух или трёх степенях с одной стороны и в трёх или четырёх с другой (Regestum Clementis papæ V, №1767).

[24] «Принимая во внимание, что названный Гуго даже не смог завоевать Фессалоникское королевство» (Оригинал. Национальный архив, J. 411, №25).

[25] Ludwig, Reliquiæ manuscriptorum, с. 43. Dom Bouquet, т. XXI, с. 723; т. XXIII, с. 354. Гийом де Нанжи, в Dom Bouquet, т. XX, с. 605—607.

[26] Ритмическая хроника Жеффруа де Пари, Dom Bouquet, т. XXII, с. 133.

[27] Dom Bouquet, т. XXI, с. 150 и 657.

[28] Национальная библиотека, собрание Клерамбо, т. DCCCXXXII, л. 270.

[29] Оригинал с печатью. Национальный архив, К. 33, №12; обязательство, данное Гуго, герцогом Бургундским, Пьеру ле Мортье.

[30] Акт дан в Пепельную среду, die cinerum MCCCXIII (20 февраля 1315) кардиналом Николя: Национальная библиотека, собрание Бургундии, т. LXXI, л. 72, in-extenso.

[31] Regestum Clementis papæ V, №4410 и 7227, документы от 8 июля 1309 и 15 мая 1315.

[32] 3 июля 1312. Потребовалось вмешательство папы Климента V, который поручил епископам Макона и Шалона заставить похитителя вернуть добычу, Regestum Clementis papæ V, №8205.

[33] 1 декабря 1312, Regestum Clementis V, №8976 и 8286.

[34] Июль 1313, Архив департамента Кот-д'Ор, Пенседе, т. I, с. 307.

[35] Август 1313, Архив департамента Кот-д'Ор, В. 15472.

[36] 19 мая 1313, оригинал, Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 358, документ с печатью.

[37] Брак Жанны Бургундской и Филиппа де Валуа был решён давно, поскольку диспенсация по причине родства, предоставленная папой Климентом V, датирована 3 июня 1307 года, Regestum Clementis papæ V, №1766.

[38] 31 декабря 1312, Registrum Clementis V, №8952.

[39] 25 ноября 1307, Regestum Clementis V, т. III, с. 70.

[40] 19 января 1314, *Regestum Clementis V*, №10170.

[41] Следует быть благодарным издателям, опубликовавшим акты Климента V в десяти томах in-folio, 1884—1892, что позволяет убедиться в справедливости жалоб на недостойную торговлю священными вещами и на скандальную вольность, с которой продавались бенефиции.

[42] 22 января 1306, *Regestum Clementis V*, т. I, с. 201.

[43] *Regestum Clementis V*, т. I, *Obligationes præsulorum*, с. 206.

[44] 1306, 15 ноября, *Regestum Clementis V*, №1543.

[45] *Regestum Clementis V*, т. X, *Obligationes præsulorum*, с. 284—287.

[46] 3 ноября 1340, *Regestum Clementis V*, №5807.

[47] *Regestum Clementis V*, т. III, с. 420, 446.

[48] *Regestum Clementis V*, №3840.

[49] 15 июля 1312, *Regestum Clementis V*, №8474. Эли, епископ Отёна, был должен Святому Престолу 4080 золотых флоринов (13 апреля 1308) и получил квитанцию об уплате 4500 флоринов 31 января 1340, *ibid.*, т. X, *Obligationes præsulorum*, с. 231 и *Solutiones*, с. 300.

[50] *Regestum Clementis V*, т. X, с. 227, 291, 297, 299, 327, 338, 346.

[51] 9 марта 1307, *Regestum Clementis V*, №1622.

[52] *Regestum Clementis V*, №1621 и 1685, и т. X, *Obligationes*, с. 213.

[53] 1307, 29 марта, *Regestum Clementis V*, т. X,

Obligationes, с. 212 и 289.

[54] 1308, 20 февраля и 24 апреля, Regestum Clementis V, т. III, с. 86 и №3212.

[55] 1307, 17 июня, Regestum Clementis V, №2175.

[56] 28 июня 1313, Regestum Clementis V, №9867.

[57] Gallia Christiana, т. IV, с. 742.

[58] 1313, 30 мая, несколько документов, Registrum Clementis V, №9327—9330.

[59] 1309, 23 июня и 26 декабря, Regestum Clementis V, №4186 и 5127.

[60] 1310, 29 мая, Regestum Clementis V, №5420.

[61] 1308, 3 ноября, Regestum Clementis V, №3333.

[62] 1310, 3 сентября. Regestum Clementis V, №9813 и 5849.

[63] 1309, 23 марта и 1312, 15 июля, Regestum Clementis V, №3873 и 8285.

[64] 1309, 23 марта, Regestum Clementis V, №3873.

[65] Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 10413, пергаментный свиток 15—16 м.

[66] Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 10412, регистр in-folio.

[67] Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 10414; оригинальные документы.

[68] Назовём лишь этого еврея из Тоннера, по прозвищу «Благослови его Господь», Deus benedicat eum, дом которого купила графиня Матильда в 1182 году. Мы опубликовали

этот документ в Bull. hist. et philol. за 1897 год.

[69] Архив департамента Кот-д'Ор, В. 10412.

[70] См. Архив департамента Кот-д'Ор, 10412, регистр; 10413, свиток; 10414, документы. Чиновники герцогини, отвечавшие за составление описей, получили для себя покрывала, подушки, куски тканей, нитки, лён, кухонную утварь на сумму 814 ливров (Архив департамента Кот-д'Ор, В. 10413).

[71] Планше, т. II, прил. с. 443. Гораздо раньше, уже в 1146 году, святой Бернард, жалея о несчастьях евреев и о насилии, жертвами которого они становились, рекомендовал не преследовать их и даже не изгонять (Recueil des historiens de France, т. XV, с. 606).

[72] См. выписки из счетов 1275 и 1276 годов.

[73] Еврейское кладбище в Дижоне было передано Эдом IV аббатству Бюсьер 8 февраля 1332 года, нов. ст. (Revue des Études juives, 1881, с. 123—125.)

[74] «Далее мы желаем, чтобы то, что можно будет показать или доказать перед нашими исполнителями, что мы или наши люди от нашего имени получили из имущества евреев, было возвращено им или их наследникам» (Планше, т. II, прил. с. СIII).

[75] Мы ни в коей мере не претендуем на достаточную разработку еврейского вопроса. Можно обратиться к: Симоне, Les Juifs et les Lombards, в его книге Documents pour servir à l'histoire des institutions et de la vie privée en Bourgogne, Дижон, 1867; А. Леви, Les Juifs au duché de Bourgogne au

moyen âge, Arch. Israélites, 1869; Клеман Жанен, Notice sur la communauté israélite de Dijon, Дижон, 1879; А. Жерсон, Essai sur les juifs de la Bourgogne au moyen âge, Дижон, Berthoud, 1893, in-8° pl.; А. Жерсон, Les Juifs de la Champagne, Трва, 1899. Более полная работа по этому вопросу является предметом диссертации г-на Готье.

[76] Бутарик, Documents, в Notices et Extraits des mémoires de l'Académie, т. XX, с. 214.

[77] Ордонанс от 5 октября 1314, Recueil des ordonnances des rois de France.

[78] См. наш том IV, гл. XXI, относительно манифеста герцога Гуго II, главы конфедератов.

[79] Дюфаяр, La Réaction féodale sous les fils de Philippe le Bel (Revue historique, т. LIV (1894), с. 241 и т. LV (1894), с. 249). Автор (с. 243) опирается на хартию, неверно проанализированную Брекиньи (Diplômes et chartes, т. VIII, с. 273, по А. Дюшену, Maison de Vergy, с. 230). Этот документ, действительно несколько запутанный, неполон, но не стоит заблуждаться: речь идет не об обещании субсидии королю, а о настоящей ассоциации и субсидии, предложенной дворянам и духовенству графства Форез. Формула ассоциации, впрочем, та же, что и в последующих документах, и в ней также фигурируют те же имена, которые появляются в более обширных списках.

[80] Собрание Дюпюи, т. 758. Бутарик, в упомянутых уже Notices et Mélanges de l'Académie, воспроизвёл резюме этих

различных актов.

[81] Не видно, чтобы фигурировал виночерпий Миль де Нуайе, который прежде занимал высокие должности маршала Франции и который в силу своей должности королевского советника должен был проявлять больше сдержанности, в ожидании чести, которая позже была ему уготована — стать великим виночерпием и знаменосцем орифламмы Франции.

[82] *Chronique métrique*, изд. Бюшона, с. 257.

[83] Национальный архив, JJ. 52, № СII.

[84] Документ, собранный г-ном Ш. В. Ланглуа, в *Record Office, Royal Letters*, XVIII, №3393, опубликован г-ном Дюфаяром, *La Réaction féodale, Revue historique*, 1894, с. 289—290.

[85] «Ф [илипп], милостью Божьей король Франции, нашему возлюбленному кузену и вассалу Г [уго], герцогу Б [ургундии], привет и любовь. Мы слышали, что многие дворяне и другие из вашего герцогства жаловались и жалуются на субсидию, которую мы намеревались взимать для помощи в нашей войне. Посему мы, которые никоим образом не желаем отягощать наших подданных, но поддерживать и освобождать их от всяких притеснений, тем более что в настоящее время наши войны прекращаются и завершены, как мы полагаем, постановили и желаем полностью прекратить взимание названной субсидии. И мы приказываем вам, чтобы вы дали знать и обнародовали это всем и в тех местах, где вы сочтёте нужным. Дано в Фонтенбло, в четверг перед днём

святого Андрея, в год от благодати тысяча триста сорок
дцатый».

Оригинал, Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата,
В. 287; фрагмент печати из белого воска.

[86] Относительно этого кодицилла см. Documents sur
Philippe le Bel, Notices et extraits de l'Académie des
Inscriptions, т. XX, №44. Тот же писец, без сомнения, на-
писал эти два последних документа, которые оканчиваются
указанием святого дня, а не числа месяца.

[87] Мы уже цитировали этот документ, который доказы-
вает, что ордонансы были обнародованы до смерти Филиппа
Красивого.

[88] Бутарик, Actes du Parlement de Paris, т. II, №5047.

[89] Заразные болезни свирепствовали особенно в 1314 и
1315 годах. См. Виллани, у Муратори, т. III, с. 482; Жан де
Сен-Виктор, Recueil des historiens de France, т. XXI, с. 661
и след.

[90] А. Дюшен, Ducs de Bourgogne, прил. CXV.

[91] Среди главных персонажей, присутствовавших на
этих похоронах в Сито, назовём: Гуго де Вьенн, сеньора де
Монморо; Гийома, сеньора д'Эпуасс; Робера де Грансе, се-
ньора де Ларре; Готье де Фролуа, сеньора де Ружмон-сюр-
Армансон; Тибо де Божё-Утр-Сон; Жана, сеньора де Кор-
сель; Гуго де Нёблан; Жоссерана де Содон; Гийома, сеньора
де Пем; Эда, сеньора де Грансе; Гюи де Пранже, сеньора де
Бер; Пьера де Шатонёф и др., которые принесли оммаж в тот

же день новому герцогу Эду IV (Архив департамента Кот-д'Ор, Счетная палата, В. 10495, свиток).

Глава XLVII. — Правление Эда IV — 1315—1321

Вступление на престол герцога Эда IV. — Влияние герцогини Аньес. — Безуспешный фламандский поход. — Брак Людовика Бургундского, князя Мореи, с Матильдой Эно; его отъезд, его завещание в Венеции и его смерть. — Эд IV наследует его владения.

Борьба за престолонаследие. — Права Жанны Французской, дочери короля Людовика X, племянницы герцога Эда IV. — Требование этих прав вдовствующей герцогиней Аньес. — Эд IV в Париже после смерти Людовика X. — Притязания Карла Валуа и графа де Ла Марш. — Причины популярности Эда среди французских баронов. Гийом де Мелло и Жан де Фроло, уполномоченные герцогиней защищать права Жанны. — Прибытие Филиппа Длинного в Париж, его размещение в дворце Сите. — Договор от 17 июля 1316 года между герцогом Эдом и Филиппом, назначенным регентом. — Дополнительные акты при посредничестве Миля де Нуайе. — Принесение регентом оммажа герцогу Бургундскому за различные земли в графстве. — Примирение между герцогом и регентом. — Сирота Жанна передана герцогине и отвезена в Бургундию. — Герцог и регент на коронации папы Иоанна XXII в Авиньоне; их возвращение в Лантене, за-

тем в Ножан-сюр-Сен. — Брачный контракт Эда со старшей дочерью Филиппа. — Новые трудности после родов королевы Клеменции и смерти её сына Жана. — Регент решительно принимает корону и объявляет о своей коронации. — Оппозиция герцога и его матери. — Эд покидает Париж и советуется со своими вассалами; его послания графу Фландрии. — Письмо герцогини тому же. — Рыцари, уполномоченные герцогом следить за происходящим при дворе. — Протест сеньоров от имени сироты. — Роль короля Англии. — Насилие графа Неверского и немедленное их пресечение. — Переговоры между королём и герцогом. — Интересы Жанны принесены в жертву. — Преимущества, предоставленные герцогу. — Двойной брак между Жанной и Филиппом д'Эврё, — между старшей дочерью короля и Эдом, которому гарантировали графство Бургундию и другие апанажи. — Торжества при дворе после этого примирения. Церемония помолвки.

Эд отправлен в Овернь против Берара де Меркёра. Крепостные планы, не приведённые в исполнение, выгодные налоги, которые из этого истекают. — Путешествие короля в Шампанскую Бургундию и в Клерво. — Беспорядки в графстве. — Различные созовы для походов во Фландрию. — Продажа Фессалоникского королевства, княжеств Ахеи и Мореи.

Эду IV был двадцать один год, когда он наследовал своему брату. Всегда подчиняясь воле своей матери Аньес Француз-

ской, столь заботящейся о величии своего дома и будущем своих детей, он обладал здравым умом, чтобы позволить себя направлять её советам. Именно под руководством и при активном участии вдовствующей герцогини он взял в свои руки управление герцогством в первые годы своего правления.

Долгом нового герцога было сначала отправиться к молодому королю Людовику X, который уже шесть месяцев занимал французский престол. Эд прибыл в начале июня 1315 года в Париж и принёс обычную присягу за пэрство и герцогство Бургундское [1].

Поскольку созыв для фламандского похода произошёл примерно в то же время, вассалы откликнулись на этот призыв. Король взял орифламму в Сен-Дени 25 июля и выступил в поход с предводителями, которые вели армию, его двумя братьями и двумя дядями. В ходе этой кампании герцог Бургундский принял присягу от сеньоров, своих вассалов, участвовавших в экспедиции [2]. Сохранилось мало документов об этом пагубном походе, во время которого не хватало провианта, и войска, застигнутые проливными дождями и увязавшие в грязи, с трудом могли маневрировать. Герцог был в четверг сентября в лагере у Бондьё, близ Туркуэна, покинул эту позицию, чтобы разбить свои палатки в Ла Лу, близ Куртре, где к нему присоединился его кузен Жан де Монтагю 9-го, и 17-го выехал из Турне, чтобы отправиться в Дуэ и оттуда в Бургундию, не менее недовольный, чем его

рыцари, которые возвращались все опечаленными и разгневанными, промокшими и испачканными [3].

Людовик, четвёртый сын герцога Роберта, первоначально предназначенный для церковной карьеры, был обручен в возрасте пятнадцати лет (6 апреля 1312 года) с Матильдой Эно, дочерью Флорана Эно, коннетабля Сицилии, и Изабеллы де Виллардуэн. Ему уступили в пользу этого брака права, которые герцог Гуго имел на Фессалоники, и те, что князь Таранто имел на Ахею и Морею [4]. Несмотря на прежние соглашения, он счёл себя вправе требовать новых прав на наследство герцогства. Споры, которые он вызвал у своего брата Эда IV, были улажены герцогиней Аньес, которая заставила их скрепить соглашение в Вольне 3 июля 1315 года [5]. Людовик, князь Мореи, должен был довольствоваться рентой в четыре тысячи турецких ливров [6], обеспеченной на Дёме, Сен-Марке, Вьёшо, Лабержмане близ Сёра, Лонж-куре, Бовуаре, Дарсе и отказывался от всяких притязаний на герцогское наследство.

Чтобы не навлечь на себя упрёки, адресованные Гуго V, Людовик принял решение отправиться посетить владения, титул которых он носил, и княжества, которые требовали военного вмешательства. Ему было всего восемнадцать лет, и он желал заслужить рыцарские шпоры [7]. Герцогиня, его мать, и его брат Эд простились с ним в замке Бразе [8] и позволили ему отправиться с многочисленной свитой и под мудрым руководством опытных рыцарей: Жана, сира де Шарни,

Эда, сира де Ран, Юга Пьоша, сеньора де Мулен, именуемого маршалом Мореи, Эме де Ран, Пьера де Тореза, Этьена де Шантене, Итьера де Ла Бросс. Это было в воскресенье Святого Климента [9]. В тот же день князь Мореи, желая призвать благословения небес на своё предприятие и отметить дату своего отъезда благочестивым воспоминанием, основал в своём замке в Дёме, в честь Святого Маврикия, часовню, право представления к которой было зарезервировано за сеньорами этого места [10]. Восемь дней спустя [11] Людовик диктовал в Венеции своё завещание, выбрал местом погребения аббатство Сито, завещал свои владения герцогу, обеспечил дарения людям своей свиты и назначил исполнителями завещания Миля, сеньора де Нуайе, и нескольких тех, кто сопровождал его в этом путешествии. 2 августа он скончался.

Эд получил это наследство и завладел владениями, доходы от которых, поступавшие в герцогскую казну, приносили увеличение ресурсов, которое было немаловажным. Одновременно он утвердил несколько хартий об освобождении, подтвердил привилегии, предоставленные жителям Мариньи-ле-Кауэ сеньорами де Монтагю (июль 1315 г.), и на общих ассамблеях в Боне (10 ноября) одобрил вольности, которыми пользовались деревни Со и Пуазель.

Борьба за престолонаследие. — Смерть Людовика X, наступившая 5 июня 1316 года [12], дала пищу для деятельности и честолюбия герцога Бургундского. У покойного от его

первой жены Маргариты Бургундской, сестры герцога, задуманной вслед за странными драмами, которые стяжали её имени роковую известность, была лишь единственная дочь Жанна, которой тогда было пять лет [13]. Но Людовик X оставил свою вторую жену Клеменцию Венгерскую на сносях на несколько месяцев; следовало учредить регентство в ожидании события, которое даст французскому престолу преемника, чью законность никто не должен был оспаривать.

Вдовствующая герцогиня и Эд получили в Бургундии известие о смерти короля. Аньес Французская, бабушка Жанны и единственная из её предков, также единственная имела право на опеку над сиротой, «в силу обычая, испытанного, по природной привязанности, без всякого подозрения по отношению к нам, бабушке или прабабушке названной Жанны, поскольку у названной Жанны нет ни отца, ни матери, кроме нас, которые ей приходятся по прямой линии [14]».

Решившая ничего не упустить из своих прав, но не способная предпринять долгое путешествие из-за возраста и немощей [15], герцогиня, находившаяся в Лантене, без промедления отправила своего сына в Париж, куда он прибыл в среду после дня Святого Варнавы (16 июня), через одиннадцать дней после смерти Людовика X. Она велела сопровождать его самыми способными вести дела в этих тяжёлых обстоятельствах советниками: Гийомом де Мелло, сеньором д'Эпуасс, Робером де Грансе, сеньором де Ларре; Понсом де Мюсси, Симоном де Ран, Пьером де Луази, Ренодом де Се-

нии, и главным образом Милем, сиром де Нуайе, рыцарем крайне преданным и доблестным (2) [16].

Карл Валуа и граф де Ла Марш, один — дядя, другой — брат покойного, не стали дожидаться этого, чтобы взять в руки управление, поскольку 9 июня, не объявляя о кончине, они отправили послание различным коммунам, рекомендуя им сохранять верность короне [17].

Что касается Филиппа Длинного, первого брата короля, он был в Лионе, занятый проектом обручения своей дочери Изабеллы с сыном дофина Вьеннского, и задержан странной осадой конклава кардиналов, которых он приказал запереть, чтобы заставить их приступить к избранию папы. Но он решительно добился признания себя регентом своим окружением [18]. Опубликовано множество работ по вопросу о регентстве после смерти Людовика X [19], и наша единственная цель — проследить действия герцога с помощью новых документов, которые могут пролить свет на роль этого принца в событиях, одним из главных действующих лиц которых он был.

В присутствии таких серьёзных претендентов, как Карл Валуа и Филипп Длинный, можно спросить себя, как Эд IV, поддержанный несколькими из своих вассалов, но совершенно изолированный и не имеющий влияния в Париже, мог надеяться на успех притязаний, законных, правда, но, несомненно, спорных. Дело в том, что феодальные лиги, в которых бургундцы были первыми и самыми рьяными инициа-

торами, посеяли против семьи Филиппа Красивого глухую враждебность, которая ещё не угасла. Несмотря на уступки короны, многие сеньоры, чуждые нашей провинции, опасаясь возвращения злоупотреблений, ущемляющих их привилегии, ещё не сложили полностью оружия, и глава бургундской знати пользовался среди баронов популярностью, которую носители верховной власти не сумели сохранить.

Нет сомнения, что ещё до прибытия Филиппа Длинного в Париж герцог Бургундский нашёл сторонников, которые поощряли его притязания, и что Гийом де Мелло, сеньор д'Эпуасс, сопровождавший его в Париж, был отправлен им из этого города к герцогине, чтобы поставить её в известность о происходящем [20].

Аньес Французская приняла Гийома де Мелло в своей резиденции в Лантене, дала ему инструкции и присоединила к нему Жана де Фроло, сеньора де Молино, маршала Бургундии, оба — носители писем «и специальных поручений, с полной властью и специальным приказом [21]» вести переговоры от её имени об опеке над Жанной, которую она требовала как единственная прямая родственница по восходящей линии, оставшаяся у сироты, обязуясь, кроме того, под присягой обеспечить ей все необходимые заботы. Уполномоченные получили свои полномочия 5 июля и поспешно вернулись в Париж.

Карл Валуа, один из заинтересованных действующих лиц и один из грозных претендентов, хорошо чувствовал труд-

ности ситуации, поскольку, сопровождаемый графом де Ла Марш и графом де Сен-Поль, он выехал навстречу Филиппу Длинному по дороге из Лиона в начале июля. Но последний, решив лично взять на себя руководство правительством, уехал раньше них, прибыл 12-го в Париж и, несмотря на людей оружия, охранявших дворец Сите, приказал взломать его ворота и разместился там во главе свиты баронов и рыцарей [22].

Погребальные церемонии и заупокойные службы, отсуженные по Людовику X, задержали двор в Сен-Дени 13 и 14-го и временно приостановили волнения, которые потрясали различных членов этих собраний. В четверг 15-го Филипп Длинный находился во дворце Сите, где на следующий день собрались бароны, чтобы урегулировать королевское престолонаследие и решить вопрос о регентстве. Кажется, что из запутанных обсуждений и противоречивых дебатов, имевших место на этом первом заседании, не вышло окончательного решения, и, во всяком случае, нигде не найдено следов прений. Лишь на следующий день, в субботу 17 июля, в Венсене удалось договориться, и заинтересованные стороны согласились на договор при посредничестве умиротворяющего Миля, сира де Нуайе, одновременно советника герцога и члена большого совета покойного короля, который «устроил условия и объявил [23]».

Личность Карла Валуа больше не была в деле, и его притязания полностью отклонили. Соглашения касались только

Филиппа и герцога Бургундского, которые договаривались как равные державы, «ради общего блага вместе с нашими великими друзьями и советом». Герцог отстаивал права своей матери и права своей племянницы Жанны. Все требования вдовствующей герцогини относительно её внучки были удовлетворены, и та должна была быть вверена ей при условии, что позднее её выдадут замуж только с согласия членов королевской семьи. Филипп Длинный должен был принять регентство и управление королевствами Франции и Наварры. Если бы королева Клеменция родила сына, регент руководил бы государственными делами до его совершеннолетия и в этот срок вернул бы власть законному наследнику. Если бы это была дочь, Филипп сохранил бы верховную власть до брачного возраста своих племянниц, когда и было бы урегулировано престолонаследие [24].

Неизданный документ той же эпохи [25] позволяет предположить, что эти соглашения не обошлись без трудностей, что они были заключены очень поздно ночью того же дня и что, вероятно, с целью успокоить требования сторонников Эда IV, заставили Филиппа, именуемого только графом Пуатье, принести присягу, которую он ранее принёс Гуго V за то, чем он владел от герцога в графстве Бургундия.

В год тысяча триста шестнадцатый, в субботу перед Магдалиной, в лесу Венселя **ОЧЕНЬ ПОЗДНО**, вступил в ленную верность господин Эд, герцог Бургундский, мессир Филипп Французский, граф Пуатье, в форме и в манере, как он

вступил в ленную верность герцога Гугона, и как его предшественники вступали в ленную верность предшественников названного герцога, а именно за то, что он держит от названного герцога в графстве Бургундия, в присутствии монсеньора Карла Французского, графа де Ла Марш, монсеньора Людовика Французского, графа д'Эврё, монсеньора Амедея, графа Савойского, дофина Вьеннского, монсеньора Гоше де Шатийон, коннетабля Франции, монсеньора Миля, сеньора де Нуайе, монсеньора Ансо де Жуанвиля, сеньора де Риньёй, сеньора д'Эпуасс, сеньора де Ларре, монсеньора Жана де Фролуа, и многих других, достойных доверия.

Те же самые персонажи поклялись под присягой соблюдать условия договора, с некоторыми добавленными и отсутствующими именами [26].

Однако составление договора не показалось достаточным сторонникам герцога Бургундского, поскольку дополнительная статья, также сделанная посредничеством Миля де Нуайе, изменяла смысл соглашения. Этот акт до нас не дошёл, и защитники Филиппа Длинного, не заинтересованные в его сохранении, опустили его включение в реестры канцелярии, «прежде чем условия были скреплены печатями, были сделаны статьи условий, среди которых была эта статья [хотя она не записана в письмах], что, в случае если бы королева Клеменция не имела бы живого наследника, наша названная племянница получила бы названное королевство и графства полностью и в мире, и тем не менее ей было бы оказано пра-

восудие относительно королевства Франции, если бы она не захотела отказаться от своего права, когда достигнет возраста [27]».

Чтобы добиться полного согласия между сторонами, возможно, уже в этот день существовал проект обручения герцога с дочерью Филиппа Длинного, проект, который должен был быть оформлен два месяца спустя, но о котором упомянутые акты ничего не говорят.

Достоверно то, что после Венсенского договора регент и герцог находятся в наилучших отношениях и что эти молодые принцы, почти одного возраста [28], не упускают возможности встречаться. Они присутствуют несколькими днями позже на проектах крестового похода и торжественном принятии креста, вручённого патриархом Иерусалимским, проекты, которые мы видим объявленными при каждом правлении, но которые никогда не осуществляются.

29 июля Филипп, находясь в Лувре, передал, согласно условиям, Жанну Французскую герцогу Бургундскому, который выдал ему расписку [29], и сирота, доставленная в Лантене, прибыла 9 августа к своей бабушке герцогине, которая вверила её опеку и воспитание Марии, графине де Бар [30], Аньес де Фонтен, Маргарите де Лож, Лоре де Дивьон и Аликс де Вилье [31].

Эд поддержал усилия регента во фламандском походе, имевшем место в августе, и совместно с коннетаблем и Людовиком д'Эврё опустошил окрестности Берга и Сент-Оме-

ра. Но военные действия были кратковременными и завершились перемирием [32].

Коронование папы Иоанна XXII, чье назначение было триумфом для политики Филиппа Длинного, стало новым поводом встретиться в Лионе в день церемонии, 8 сентября 1316 года. Герцог Бургундский, проезжая через Кюизри и Пон-де-Вейль, спустился вниз по Роне на лодке и прибыл в воскресенье 5-го в Лион. Граф де Ла Марш и граф д'Эврё, также находившиеся там, держали поводья верховного понтифика в день коронации.

Нельзя утверждать, что Филипп Длинный пересекал герцогство, чтобы попасть на церемонию [33], но доказано, что на обратном пути он приехал в Бургундию отдать долг своей двоюродной бабушке вдовствующей герцогине Аньес, находившейся тогда в Лантене. Он был там, как и герцог, в воскресенье 19 сентября [34], и именно на этой дружеской встрече решили перейти к условиям проекта брака, который должен был быть составлен десять дней спустя в Ножан-сюр-Сен. Оба принца вместе покинули замок Лантене и проехали со свитой через Эзе-ле-Дюк и Труа. Миль де Нуайе, устроитель договорённостей и договоров, получил в этом городе важное пожалование в награду за свои услуги — контракт на ренту в четыреста ливров, обеспеченную доходами с Шатильона [35].

В среду 29 сентября были в Ножан-сюр-Сен, куда регент велел приехать своей супруге графине и епископу Сен-Ма-

ло, одному из трёх советников, ответственных за ведение дел в его отсутствие в Париже. Другие персонажи, сопровождавшие их, граф д'Эврё, Пьер д'Аррабле, недавно назначенный канцлером Франции, и бургундские сеньоры [36] приложили свои печати к контракту: «поскольку несколько переговоров были ведены различными способами между нами о браке Жанны, старшей дочери нас, регента, и названной выше графини, и названного герцога, каковые переговоры не смогли завершиться и иметь эффекта, в конце концов соглашение о названном браке заключено, согласовано и сделано между нами совместно».

Эти выражения достаточно доказывают трудность предварительных переговоров, предшествовавших этому проекту. Жанна, первоначально обещанная герцогу Гуго V, как мы говорим в другом месте, была тогда в девятилетнем возрасте, родившись 1 или 2 мая 1308 года [37]. Филипп должен был дать своей дочери в пользу этого брака, «если Святая Церковь на это согласится», сумму в сто тысяч турских ливров, а герцог обещал будущей супруге вдовью часть в двадцать тысяч ливров, обеспеченную шателениями Монреаль, Шатильон и Энье [38]. После этих соглашений, заключённых под самыми торжественными клятвами, регент вернулся в Париж, а герцог — в Бургундию, где его присутствие засвидетельствовано несколькими днями позже.

Эти свидетельства дружбы, эти знаки привязанности и преданности, искренние на тот момент между будущим те-

стем и будущим зятем, вскоре были разорваны по мотивам личных и политических интересов.

Вдова Людовика X, Клеменция Венгерская, родила сына Жана, который прожил лишь несколько дней и был поспешно похоронен в Сен-Дени на следующий день после своей кончины, в субботу 20 ноября.

Это событие, которое не было достаточно предусмотрено Венсенским договором, освобождало Филиппа от всех обязательств, по мнению его сторонников, несмотря на дополнительные статьи. Тот, кто извлекал выгоду из такого толкования, не преминул принять другую точку зрения, он не был невеждой в подобных делах и знал силу свершившегося факта [39]. Отказ от власти теми, кто обладает ею, требует добродетелей, которые не свойственны человеческой природе и пример которых деятели политической сцены дают редко. От регентства до королевской власти был всего один шаг. Филипп, предвидя оппозицию, с которой ему придётся бороться, решительно принял корону и титул короля в этом же месяце [40] и разослал в главные города уведомление о своём восшествии на престол [41].

Кажется, что не спешили сообщать об этих событиях герцогу Бургундскому, но эти новости, вскоре распространившиеся, вызвали крайнее волнение в окружении герцогского двора. Сохранившиеся любопытные послания графу Фландрии [42] раскрывают чувства Аньес Французской и её сына и энергичное противодействие принятию регентом короны.

«Когда мы узнали, что сын королевы Клеменции умер, мы отправились во Францию, или скорее [слово (а) неразборчиво]», — пишет Эд IV [43].

Герцогиня со своей стороны говорила [44]: «мы слышали, что названный мессир де Пуатье велел объявить о своей коронации и миропомазании на ближайшее Богоявление, и называл себя королём Франции и Наварры, каковую вещь названные мудрецы говорят, что он не может и не должен делать, и весьма удивляются этой затее, которую он предпринял».

На все требования, выдвинутые по поводу дополнительных статей и признания прав Жанны, беззащитной наследницы, Филипп, говоря, что он подумает, противопоставлял лишь отсрочки и проволочки. Тем не менее, по настоянию бургундских сеньоров он обещал дать окончательный ответ в Париже через три недели после Рождества. Можно было бы усомниться в искренности этого обещания, скрывавшего явное желание уклониться от назойливых требований, поскольку сразу же после этого было объявлено о коронации в Реймсе на первые дни января.

Эд без промедления выехал в Бургундию вечером 26 декабря, после того как написал графу Фландрии письмо, из которого мы узнаём все эти подробности. Он собрал своих баронов и прелатов, которые единогласно заявили, что нужно защищать права Жанны и воспротивиться запланированной церемонии.

Однако эта церемония состоялась 9 января 1317 года, несмотря на отсутствие части крупных вассалов и главных персон, которые должны были бы там присутствовать, таких как герцог Гиени, граф де Ла Марш и другие. В момент вызова пэров вдовствующая герцогиня Аньес, представленная доверенным лицом [45], велела сделать предупреждение о необходимости отложить коронацию до тех пор, пока не будут признаны права её внучки. Протест не возымел эффекта.

10 января [46] герцог Бургундский отправил из замка Талан одного из своих верховых, Жана де Фле, доставить письмо графу Фландрии, чтобы сообщить ему результат консультации со своими баронами и попросить совета о том, как поступить относительно принесения присяги. Ввиду свершившегося факта эти пререкания кажутся довольно ребяческими. Одновременно Эд велел через преданных агентов следить за течениями мнений, циркулировавшими в окружении Двора. Матьё, сир де Монмартен, находился в Понтуазе, в то время как двое его рыцарей, Гийом де Шодене и Пьер де Семюр, постоянно пребывали в Париже [47].

Под влиянием и диктовкой феодалов Шампанской Бургундии Жанна написала из Эснона, близ Жуаньи, 10 апреля 1317 года письмо, чтобы пожаловаться на то, что Филипп пресёк всякое обсуждение, заявив, что, несмотря на обращённое к ней требование, она не может в своём качестве принести присягу за свои феоды. Она заканчивает, взывая к преданности своих вассалов и приказывая им собраться с

оружием и конями через пять недель после Пасхи в Париже и в Маконе [48]. Эдуард, король Англии, пользуясь этими конфликтами, пытался разжечь ссору, обращался ко всем пэрам Франции и писал в частности герцогу Бургундскому, чтобы сказать, что он рассчитывает на его дружбу, заверяя его, что они связаны общим интересом и должны оказывать взаимную поддержку [49].

Не дожидаясь начала военных действий, Людовик, граф Неверский и Ретельский, начал открытую борьбу и учинил такие опустошения, что союзники и даже герцог Бургундский были вынуждены от них отречься и заявить, что они полны решимости не поддерживать его, если он не принесёт торжественного извинения. Они выдали своё свидетельство, датированное Меленом, 1 июня 1317 года [50].

Энергичное пресечение быстро положило конец этим злоупотреблениям. Филипп Длинный конфисковал графство Невер и поручил управлять им Жерару де Шатильон-ан-Базуа, сеньору де Ла Рош-Миле, одному из баронов, наиболее пострадавших от этих проступков [51], затем созвал в Макон, на середину августа, двенадцатьсот рыцарей и людей оружия [52].

Граф Людовик Фландрский, оставленный на произвол судьбы, смиренно явился с повинной и получил прощение в Жизоре 13 сентября [53].

Между тем, король вёл переговоры с герцогом Бургундским и знатными людьми Шампани и продолжал в июне и

июле переговоры, проходившие в Сансе, Мелене и Париже. Союзники по-прежнему отказывались приносить оммаж и требовали для Жанны не корону, но её права на владение Наваррой и Шампанью. Ввиду невозможности прийти к удовлетворительному решению, были назначены арбитры с обеих сторон, но недоброжелательство многих из них, и в особенности Эда IV, затянуло дискуссии. От отсрочек к отсрочкам пришли к окончательному соглашению 27 марта 1318 года, скреплённому в Париже двойным браком между Жанной Французской, дочерью Людовика Сварливого, и Филиппом, графом д'Эврё, внуком Филиппа Смелого. Невесте обеспечивали графство Ангулем и другие владения с рентой в пятнадцать тысяч ливров, и вверяли её под опеку вдовствующей королеве Марии, пока она не достигнет брачного возраста. Её дядя Эд IV был назначен её опекуном и управляющим её делами и должен был покрывать её расходы в течение несовершеннолетия.

Эти условия, невыгодные для Жанны, ущемлённой в своих правах, не могли бы разоружить герцога Бургундского, если бы он сам не получил для себя заманчивых обещаний и гарантий значительного приданого, женившись на дочери короля. Были обязаны предоставить ему графства Артуа и Бургундию, во владение которыми он вступит после смерти графини Маго, с исключением других её дочерей. Аннексия графства Бургундия, эта так долго лелеемая нашими герцогами мечта, осуществления которой они добивались более

века, должна была сгладить все трудности в ущерб интересам несовершеннолетней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.